

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 4, Pp. 994–1003, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

Эцкиннь мах ид!: концепт отец в проклятиях калмыков

Александра Тагировна Баянова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора

 0000-0001-7718-802X. E-mail: [ale-bayanova\[at\]yandex.ru](mailto:ale-bayanova[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Баянова А. Т., 2023

Аннотация. *Введение.* Проклятие как древнейший пласт народной словесности является малоизученным жанром фольклора. Происхождение его связано с верой людей в магию, в его способность наносить вред человеку. Статья посвящена текстологическому анализу речевого жанра проклятий в калмыцком языке. *Цель* исследования — выделение семантических особенностей формул проклятий в словаре калмыцких фразеологизмов, определение высказываний проклятий с лексемой «отец» в письмах Б. Б. Бергмана. *Материалы и методы.* Исследование проведено методом сплошной выборки с применением описательного анализа. Статья написана на основе материалов фразеологических словарей калмыцкого языка, писем Б. Б. Бергмана («Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803») и с привлечением материалов монгольского языка. *Результаты.* Анализ формул проклятий с лингвокультурологической и контекстологической точек зрения позволил выявить коммуникативную природу и семантику проклятий. В качестве иллюстративного материала послужили примеры, отобранные методом выборки из фразеологических словарей калмыцкого языка «Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов», «Фразеологический словарь калмыцкого языка» и писем Б. Б. Бергмана. Тематическое разнообразие речевого жанра проклятий сводится к определенному набору зложеланий: утрата здоровья и жизни, семья, благополучие и т. д. Анализ семантики проклятий позволяет сделать вывод о том, что эти формулы имеют национально-культурное своеобразие, в ней отражены особенности духовного опыта и особенности мышления народа. Рассмотрены нераспространенные у калмыков проклятия с лексемой *отец*, выявленные в тексте писем Б. Б. Бергмана.

Ключевые слова: проклятие (харал), фразеологизм, концепт *отец*, Б. Б. Бергман, калмыцкий язык, фольклор, магическая формула

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Баянова А. Т. *Эцкиннь мах ид!*: концепт отец в проклятиях калмыков // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 994–1003. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

‘*May You Eat Your Father’s Flesh!*’: Concept of Father in Kalmyk Curses

Aleksandra T. Bayanova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Deputy Director

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bayanova A. T., 2023

Abstract. *Introduction.* Curses constitute an earliest stratum of ethnic oral narratives and still remain somewhat understudied. The former’s shaping resulted from belief in magic and the latter’s supposed ability to bring harm onto one’s opponent. The article attempts a textual analysis of oral curses once recorded from ethnic Kalmyks. *Goals.* The study seeks to outline semantic features inherent to formulas of curses in B. Bergmann’s dictionary of Kalmyk phraseological units, and investigate his letters for cursing phrases containing the lexeme ‘father’. *Materials and methods.* The phrases subject to descriptive analysis have been selected via continuous sampling. The paper focuses on B. Bergmann’s Kalmyk phraseological lists and letters (‘Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803’), other Mongolian language materials. *Results.* The linguoculturological and contextual insights into the formulas of curses make it possible to delineate the latter’s communicative essentials and semantic components. Thematically, the variety of curses can be reduced to a number of ill wishes, such as loss of health and life, misfortunes in family and decreased living standards, etc. Our semantic analysis suggests the formulas are largely culture-specific and may be viewed as manifested spiritual experiences and mental attitudes of the then Kalmyks. So, the paper comprehensively examines the not that widespread Kalmyk curses containing the lexeme ‘father’ from B. Bergmann’s letters.

Keywords: curse (*kharal*), phraseological unit, concept of father, B. Bergmann, Kalmyk language, folklore, magic formula

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Bayanova A. T. ‘*May You Eat Your Father’s Flesh!*’: Concept of Father in Kalmyk Curses. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 994–1003. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

1. Введение

В системе речевых актов имеется жанр ритуальной речи — проклятие, состоящее из клишированных формул, магическое действие которых направлено на причинение кому-либо зла, бед, болезней и т. д.

В толковых словарях слово проклятие трактуется как: 1) выражение кому-нибудь

«безусловного и бесповоротного осуждения, знаменующего полный разрыв, отторжение (от себя, от общества)». 2) «негодующее бранное слово» [Ушаков 2014: 545]. В словаре В. И. Даля это означает действие по глаголу *проклинать* — «в гражданском быту лишать благоволения, изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения;

ругать, поносить, призывать на кого бедствия, желать кому зла» [Даль 1882: 508].

В качестве одной из малых форм фольклорного жанра проклятие является «архаическим по происхождению текстом сакрально-магического характера, продуцирование которого связано с верой древних людей в магию слова, в частности в его способность наносить вред, уничтожить благосостояние, вызывать болезни и даже причинять смерть» [Ветрова 2016: 18]. Как речевой акт, проклятие является вербальной агрессией «в виде причинения психологического вреда с использованием вокальных (крик, изменение тона) и вербальных (оскорбления, проклятья, уничижительные слова) компонентов речи» [Мамчиц 2015: 43].

В научной литературе термин «проклятие» называют также «хулительными формулами» [Кабакова 1988: 105], злоречениями [Берзович, Сурикова 2020: 5], злопожеланиями [Виноградова 2012: 29].

С течением времени проклятия утратили свою сакральную функцию. По мнению Э. С. Ветровой, они «трансформировались в стереотипные экспрессивные высказывания», используемые сейчас «для выражения резкого осуждения, возмущения и ненависти» [Ветрова 2016: 16].

В культуре ряда тюрко-монгольских народов совокупность вербальной части проклятия с выполнением ритуальных действий до сих пор считается имеющей магическую силу, чем и объясняется трудность записей текстов проклятий современными исследователями у информантов. Так, информанты-калмыки говорили ученым, что «нельзя беспричинно произносить харал» [Борджанова 1999: 51], а тувинцы — что грешно «сознательное словесное нанесение вреда» человеку [Юша 2007: 108].

Целью статьи является выявление формул проклятий в словаре калмыцких фразеологизмов, выделение их семантических особенностей, определение высказываний проклятий с лексемой *отец* в письмах Б. Б. Бергмана.

2. Материалы и методы

В статье использованы метод сплошной выборки, метод описательного анализа. Материалом послужили материалы фразеологических словарей калмыцкого языка [Пюрбеев 1971; ФСКЯ 2018] и письма Б. Б. Берг-

мана из его труда «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах») [Bergmann 1804].

3. О жанре проклятий в калмыцком языке

Харал как жанр магической формы мало исследован в калмыковедении. По мнению Т. Г. Басанговой, харалы представляют собой «тексты и формулы, в основе которых заложена вера в магию слова» [Басангова 2007: 120].

Впервые к жанру проклятий обратился Н. Очиров в статье «Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд „хар келе утулган“ у калмыков», написанной на основе его полевых материалов, записанных во время поездки к астраханским калмыкам летом 1909 г., где он утверждает, что харалы, в отличие от йорелов, «в обыденной жизни употребляются реже» и встречаются чаще «в сказках, песнях, былинах и пр.» [Очиров 2006: 264], и хотя специальных литературных образцов не имеется, но «вера в их злую и враждебную силу очень велика» [Очиров 2006: 264]. Калмыки часто обращались к священникам для проведения обряда «хар кел утлһн»¹ для снятия проклятия, сделанного кем-либо по отношению к ним [Очиров 2006: 264].

Проклятие в жанровой парадигме калмыцкой поэзии рассматривалось в научных публикациях Р. М. Ханиновой [Ханинова 2022а; Ханинова 2022б], где автор приходит к выводу, что хотя в поэзии и сохранились элементы харала, но он «остался на периферии жанровой системы ...из-за специфики фольклорного источника» [Ханинова 2022б: 418].

Анализ проклятий у калмыков дан в трудах Т. Г. Борджановой (Басанговой) [Борджанова 1999; Басангова 2007]. Ею рассмотрены так называемые краткие проклятия, которые употреблялись в быту.

Во фразеологическом словаре калмыцкого языка найдено всего 12 фразеологических оборотов, которые можно отнести к проклятиям. Но количество этих оптативных высказываний расширяется за счет вариативных примеров употребления.

¹ Букв. ‘обрезание черного языка’.

С точки зрения содержания проклятий их можно объединить в 6 семантических моделей:

1) пожелание лишения потомства, детей: *Тохм уга од!*¹ 'Чтоб ты остался без потомства'; *Ундс таср!* 'Останься без корней' [ФСКЯ 2018: 187]; *Уңг-дәңг уга од!* (син. *Тохмарн эрл, уга бол!*) 'Исчезни всем родом!' [ФСКЯ 2018: 195];

2) пожелания болезней: *Цецгт од!* 'букв. Иди к оспе' (синоним: *Ук, уга бол! Уздлго од!* ≅ 'Сгинь! Исчезни!') [ФСКЯ 2018: 250];

3) пожелания ранней или скорой смерти: *Насан нассл уга од!* 'Да будет короток твой век! Да будь ты проклят!' [ФСКЯ 2018: 139]; *Толһа деегән мань хатхул!* ('букв. Вонзи себе в голову маань!') ≅ 'Крест тебе на могилу' (син. *Ук! Уга бол! Сдохни, сгинь!')* [ФСКЯ 2018: 182]. Маань означает 'флажок'. Вероятно, это проклятие связано с тем, что в процессе погребения, когда умершего выносили в степь, положив головою к востоку, по обеим сторонам головы и у ног втыкали шесты, на которые навешивали флажки с текстами — «тангутскими молитвами исписанные синие китайские лоскуты, веющие флагам подобные», как писал П. С. Паллас [Паллас 1773: 534], т. е. с буддийскими молитвами;

4) пожелания страшной смерти: *Нооста толһаһан нохад кемлүл!* 'букв. Да чтоб ты свою волосатую голову дал собаке сгрызть!' ≅ 'Да умри страшной смертью!' [ФСКЯ 2018: 144]; *Ғалд одг цааран!* ('букв. Иди дальше в огонь!') ≅ 'Пусть сгорит в огне!' [ФСКЯ 2018: 69]; *Ноха долаг!* ('букв. Пусть тебя лижет собака!') ≅ 'Пропади пропадом!' [ФСКЯ 2018: 144]. Данное проклятие является наглядной иллюстрацией космогонической картины мира, согласно которой, по утверждению А. Г. Митирова, собака является хранителем трех миров как «небесная собака, или волк — существо верхнего мира; как спутник кочевника — существо срединного мира; в качестве четырехглазой собаки как проводник душ в мир мертвых» [Митиров 1977: 46]. У многих народов существует представление о собаке как связующем звене с душой умершего, в частности у коми-пермяков, у которых был обычай приводить собаку к посте-

ли умирающего и класть лапы ему на грудь. Считалось, что с последним вздохом душа умершего переходила в тело собаки [Зеленин 1936: 137];

К этой же группе можно отнести и следующие проклятия: *Эзән зальг!* 'букв. Проглоти своего хозяина' ≅ 'Пропади пропадом!' *Ундс уга од!* 'Останься без корней' [ФСКЯ 2018: 270]; *Эзнәннь толһа кемл!* 'букв. Сгрызи голову хозяина' ≅ 'Будь проклят, пропади пропадом!', *Уклин мууһар үк!* 'букв. Умри худшей смертью' [ФСКЯ 2018: 270].

5) удаление от адресанта: *Узг маань уга од!* ≅ 'Сгинь с глаз!' [ФСКЯ 2018: 206]; 'Убирайся на все четыре стороны!' [КРС 1977: 546];

6) перемещение адресата в inferнальные пространства: *Хар һазрт ор!* 'букв. Войди в черную землю!' ≅ 'Да провались сквозь землю!' [ФСКЯ 2018: 122]; *Һазр үмк (мр)!* 'букв. Откуси землю!' ≅ 'Да чтоб ты провалился сквозь землю!' 'Провались сквозь землю!' [ФСКЯ 2018: 67];

У. Д. Душаном приведены три текста проклятия, записанные им в Эркетеневском улусе Калмыкии.

1. «Пусть на том месте, где ты сидел, будет пожар». По мнению У. Д. Душана, это одно «жестоких проклятий», смысл которого заключается в гибели всей семьи, рода, жилища. Поэтому калмыками никогда не допускалось после кочевки сжигать что-либо на месте прежнего жилища, так как «пожаром уничтожается вообще все» [Душан 2016: 71].

2. «Пусть дымовое отверстие твоей кибитки упадет внутрь на очаг» [Душан 2016: 72]. Во время ненастья и буранов иногда калмыцкие кибитки падали, уносились ветром. Самым плохим предзнаменованием было, когда она падала дымовым отверстием на очаг, что означало: сама природа против создания семейного очага на этом месте, и на хозяина и семью надвигается какая-то опасность.

3. «Пусть твой невод притянет черепах и змей». Это проклятие произносилось при сильном гневе или ссоре. Попадание в невод рыбаков-калмыков этих земноводных считалось дурным предзнаменованием, для нейтрализации каких-либо последствий для человека приглашались гелюнги, которые читали специальные молитвы [Душан 2016: 201].

¹ Здесь и далее буквальный перевод дан автором статьи.

В «Обрядовой поэзии калмыков» Т. Г. Басанговой целая глава посвящена проклятиям у калмыков, где, в частности, приводятся примеры проклятий: *Керэд ну-дэн цокул!* 'Пусть глаза твои выключает ворона!'; *Көлдэн бүдр!* 'Спотыкайся все время!'; *Келндчнь моом харг!* 'Пусть на твоём языке будет опухоль!' [Басангова 2007: 43]; *Ахр наста бол!* 'Проживи мало лет' [Басангова 2007: 142] (перевод Т. Г. Басанговой. — А. Б.).

Тему разорения домашнего очага, маркируемого как центр родовой земли [Бакаева 2009: 87], находим в текстах следующих проклятий: *Иулмтчнь харле!* 'Пусть почернеет твой очаг!'; *Иулмтчнь арат маажг!* 'Пусть твой очаг поцарапает лисица!' [Басангова 2007: 149].

Интересно по своему значению проклятие *Зел тасртха!* 'букв. Пусть оборвется привязь!'. *Зел* означает 'веревка' (для привязывания телят и жеребят [КРС 1977: 246]). Существовало суеверие, что, если подобрать какой-либо предмет, лежащий возле *зел*, то это ведет к обрыву веревки, что означает гибель молодняка. Для калмыка приплод скота считался признаком умножения богатства, поэтому самым страшным проклятием было *Зел тасртха!*, что означало пожелание бедности и нищеты оппоненту [Басангова 2007: 107]. Согласно семейной и родственной иерархии *зел үй* — «поколение по зел-привязи» — четвертое поколение по отцовской линии (правнуки), которые «жили своими юртами, но скот содержали вместе», кроме того, «молодняк своего скота привязывали к одному общему зел — привязи» [Пюрбеев 1996: 167]. Поэтому харал *Зел тасртха!* означал и пожелание смерти всему роду [Пюрбеев 1996: 167].

Проклинаая, человек желает лишения проклинаемому того, что представляет для него ценность: жизнь, здоровье, продление потомства, семья, домашний очаг, счастье и т. д. В этом плане представляет особый интерес изучение концептов в данных клишируемых формах.

4. О концепте *отец* в калмыцкой лингвокультуре

В калмыцком языке одной из единиц лексико-семантического поля концепта семья является *эцк* 'отец'. В словаре калмыцкого языка имеются две лексемы со

значением 'отец': *аав* и *эцк* [КРС 1977: 17, 705]. В речи употребляются обе лексемы. Лексема *аав* имеет также значение 'дед, дедушка' [КРС 1977: 17], в «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедта также отмечается, что лексема *эцк*, кроме значения «отец» (*Vater*, *papa*), может иметь и значение «старик» (*alter Mann*) [Ramstedt 1935: 129]. В отличие от лексемы *эцк*, которая в предложении выполняет номинативную функцию, *аав* часто употребляется в качестве вокатива, например: *Эцкдэн одад келвэ көвүн: «Аав, аав, мини нерм хаанэд бээдв?» — генэ!* 'К отцу своему пошел юноша и говорит: «Отец, отец, мое имя у хана есть?» — говорит' [Баянова 2021: 104].

В словарях монгольского языка лексема *отец* имеет три лексико-семантических варианта: 1) *аав* 'папа, папенька, папаша, батя, отец, родитель' [БАМРС 2001: 123]; 2) *ба-авай* 'батюшка, отец, папа' [БАМРС 2001: 202]; 3) *эцэг* 'отец' [БАМРС 2002: 441].

В языках монголоязычных народов со словом «отец» нет таких разговорных вариантов, как в русском: папаня, папочка, батюшка, батя, родимый, родитель, тятя и т. д. Лексемы *аав* и *эцк* в калмыцком языке имеют следующие значения: 1) мужчина по отношению к своим детям; 2) дед, дедушка (то есть предшествующее поколение, предок); 3) используется как обращение к любому пожилому мужчине [КРС 1977: 17, 604].

Со словом «отец» в калмыцком языке имеются устойчивые сочетания: *төрси аав* 'родной отец', *хадм аав* 'свекор, отец мужа', *көгин аав* 'дедушка', *аавин улан* 'подорожник', *аавин заңта* 'ведущий себя как взрослый; характером в отца' [КРС 1977: 17], *хөөт эцк* 'отчим', *эк-эцк* 'родители', *өвк эцк* 'дед' (по отцовской линии), *хадм эцк* 'свекор, тесть', *элцк эцк* 'прадед', *эцкин гер* 'отцовский дом' [КРС 1977: 604].

Устойчивые словосочетания со словом *эцэг* в монгольском языке расширяют этот список: *эцгийн ёсоор энхрийлдэг* 'по-отечески нежный', *эцгээ халамжлах* 'заботиться об отце', *эцгийн дээлтэй төрөх* 'родиться в рубашке', *эцгийн халамж* 'отеческая забота', *эцгийн өв хөрөнгө* 'отцовское наследие' [БАМРС 2002: 442].

Классическим образцом брака у калмыков является патернальный союз, где

¹ Фонетическая особенность дербетского говора: вместо *гинэ* — *генэ*.

устанавливается главенство мужа / отца. Патриархальный уклад жизни устанавливал строгую иерархию отношений с первых же дней брака, который поддерживался культурными и религиозными традициями. Согласно системе родственных отношений, родственники по линии отца образовывали род — *төрл*, четыре поколения родных братьев составляли *өөрх төрл* — ‘близкие родственники’ (близкая родня) [Пюрбеев 1996: 166–167]. Родственники по линии матери, хотя и считались близкими, но были людьми другой крови, потомки по дочерней линии «не являлись членами рода-төрл» и назывались *зеенр* по отношению к родителям [Пюрбеев 1996: 167].

В семье поддерживалось полное уважение и повиновение отцу [Калмыки 2010: 201]. Об авторитете отца в семье свидетельствуют и калмыцкие пословицы. Главенствующая роль отца в семье подкрепляется следующими пословицами: *Аавнь бугдин хан, / Аавин көвүн дүүнрин хан* ‘Отец — хан над всеми, / А любимчик отца — хан над братьями’ [Пословицы... 2007: 40]; *Эгл хар улст / Эк эцк бурхн* ‘Для простых людей / Родители — божества’ [Пословицы... 2007: 181].

Отец-эцк является и учителем, наставником своих детей: *Аавин сурһмж алтн, / Ээжин сурһмж эрднь*. ‘Отцовские наставления, словно золото, / А поучения матери, как драгоценность’; *Аав гижэ келнд ордг, / А гижэ эрдм сурдг*. ‘Речь малыша начинается со слова «папа», / Грамота (образование) начинается с азав’. Об уважении к отцу свидетельствует пословица: *Эврэн эцк эс болсн күн / Эцкин күндлһиг меддг уга* ‘Кто не был сам отцом, тот не знает, / Что такое отцовское уважение’ [Пословицы... 2007: 37].

Право наречения имени своему ребенку давалось только отцу. Отец выделял своим сыновьям наследство. Отсутствие сына в роду было трагедией для отца, он считался глубоко несчастным человеком, так как в старости и немощи не мог прибегнуть к его помощи как к продолжателю рода. Если сыновья умирали при жизни отца, калмыки называли его *му заята* ‘проклятый судьбой’ [Душан 2016: 104]. Поэтому калмыки говорят: *Эцкд — көвүн, эрдмнд нөкд кергтэ* ‘Отцу нужны сыновья, а ученому — друзья’ [Пословицы... 2007: 37]; *Аавин санан үрнд, / Үрнэ санан көдөд* ‘Думы отца — о сыновьях, / Думы сыновей — о степи’ [Пословицы... 2007: 40].

Любовь к детям была настолько сильна у отца, что, став вдовцом по какой-либо причине, он не рисковал «вторично жениться, чтобы его дети не испытывали на себе всю тяжесть „нежных забот“ матери» [Душан 2016: 92].

Таким образом, концепт *отец* в калмыцкой лингвокультуре определяется его главенствующей ролью в семейной иерархии (отец — это хан, божество, глава, хозяин). При наличии такой положительной коннотации, казалось бы, лексема *отец* не может быть использована для формул проклятий.

5. Формулы проклятий в текстах писем Б. Б. Бергмана

В письмах Б. Б. Бергмана встречается два эпизода, где лексема *отец* употребляется в составе проклятия *Эцкиннь мах ид!*. В первый раз это происходит во время игры в баки¹, когда игрок в пылу азарта произносит это проклятие:

Для игры в баки требуется восемь бараньих лодыжек, которые бросают на войлочное одеяло, потому что они не могут скатиться с него. Когда это происходит, то тот, кто выиграл, должен начать игру. Сначала он наблюдает за положением лодыжек. Если он дотронулся до одной из них, то забирает или убирает ее, а затем продолжает бросать и другие лодыжки в том же направлении. Если ему удастся убрать все восемь, то он выиграл и начинает игру заново. Обычно играют на калачи, которые продаются русскими булочниками. Живость, с которой эта игра будет сопровождаться, больше, чем следует предполагать. При каждом пропущенном легком ударе, все тело игрока приходит в движение. Рука сжимает рот, и только «Эцкиннь мах ид!» (Äzägijn machan idä) раздаётся один за другим. Это обычный вид ругательства у калмыков и означает буквально: «Съешь мясо отца!» Поиграв некоторое время, Бичхан уступил свое место другому гелонгу и занялся четками, наблюдая за происходящим. Тем не менее, как бы беспрестанно он не раскручивал бусинки четок, это не мешало ему при каждом неожиданном ударе, даже во время молитвы выкрикивать свое «Эцкиннь мах ид!» (Äzägijn machan idä) [Bergmann 1804: 245]².

¹ Разновидность игры в альчики.

² Здесь и далее перевод с немецкого на русский язык осуществлен автором статьи. — А. Б.

Во второй раз эту же фразу произносит один из священников во время жаркого спора:

«Я сидел в своей кибитке и писал. Эрдени, его брат и несколько других уважаемых калмыков, в основном священнослужители, заполнили кибитку. Одни играли в нарв¹, другие наблюдали за игрой, третьи болтали. Почтенный священник сел рядом со мной и довольно любезно протянул мне свою трубку. Я сделал несколько затяжек, а затем вернул ему трубку. Другой священник увидел это и упрекнул своего коллегу в том, что как он может унижать себя, позволяя черному человеку курить из своей трубки. Завязался жаркий спор, во время которого *Эцкиннь махан* (Äzägin machan) сменилось яростью. Тот, кто поддерживал меня, хотя и признался, что я курил из трубки Бичхана и Джуянаха, но его так разозлили реплики противника, что он разъяренный вскочил, схватил его за горло, повалил и стал топтать ногами. Все это произошло в присутствии двух сыновей князя, которые только и делали, что смеялись над этим забавным инцидентом. Победенный священник молча удалился» [Bergmann 1804: 248].

Рассмотрим более подробно данный фразеологизм. Без сомнения, он относится к жанру проклятий: здесь имеются все структурные его элементы: субъект, объект и предикат в форме императива. Фраза произносится спонтанно, в момент сильного эмоционального возбуждения — в пылу азарта, как в первом случае, или агрессивного состояния. Семантика проклятия труднообъяснима. Это, безусловно, глубоко архаичная форма, неизвестная современным исследователям. Но в любом случае, этот фразеологизм является пожеланием смерти.

В калмыцком фольклоре проклятие *Эцкиннь мах ид!* не найдено. В алтайском героическом эпосе «Кан-Алтын» встречается проклятие: Ай, голову отца своего съешь, злодей! — говорит. / Эй, грудь матери своей съешь, злодей! — говорит [Алтайские 1997: 323]. Учитывая общие исторические и культурные связи калмыков и алтайцев, возможно предположить, что данные фразеологизмы могли иметь сходное значение и происхождение.

По устным объяснениям филологов, можно выдвинуть две версии объяснения значения проклятия: 1) пожелание нищеты и разорения всего рода — будь настолько бедным, что тебе придется есть приплод

скота отца (жить на средства отца), и тем самым ты разоряешь свой род; 2) пожелание смерти, соответствует русскому эквиваленту «Чтоб ты сдох!», «Будь ты проклят!».

Некоторые исследователи считают, что проклятия произносят женщины, «завистливые и мстительные», которые «желали отомстить своим обидчикам» [Юша 2007: 108]. По мнению Т. Г. Басанговой, жанр проклятий считается «преимущественно чисто женским творчеством», злоупотребление харалами вызывает осуждение, поэтому они чаще употребляются в женской речи, так как они менее устойчивы в эмоциональном плане, чем мужчины [Борджанова 1999: 51; Басангова 2007: 155]. В фольклорных произведениях проклятие может произнести птица (например, журавль) или животное (бытует волчьё проклятие) [Басангова 2007: 144]. Б. Б. Бергман же замечает в одном из своих писем, что «только мужской, а не женский пол использует это выражение» [Bergmann 1804: 245].

В словаре монгольского языка находим одно проклятие со словом *эцэг*: *Эцгийн тархи* ‘голова отца’ (ругательство) [БАМРС 2002: 442].

У синьцзянских калмыков бытуют подобные проклятия, но субъектом становится не отец, а мать: *Экэнэм мах идмр!* (вариант — *Экэнэм цус сольмр!* [ПМА 2023: Инф. 1]). По мнению информанта, данное проклятие произносили старшие по отношению к младшим, например, отец сыну, если он не работал, бил баклуши, не оправдывал надежд отца, жил за его счет. Данное проклятие сохранилось у них до сих пор. Его часто используют в обыденной речи в качестве бранной фразы.

Во фразеологическом словаре калмыцкого языка имеется несколько фразеологизмов с лексемой *эцк*:

1. *Эцкин түрэд ор* (*орг, ортха, орцхатн*) — груб-прост. (букв. ‘войти в голенище (или штанину) отца’). Это выражение негодования, сильного раздражения и озлобления. Авторы считают, что слово *түрэ* «обнаруживает в данном обороте свое устаревшее значение ‘штанина’» [ФСКЯ 2018: 279]. В «Калмыцко-русском словаре» дается два значения этого слова: ‘голенище’; ‘штанина’. Там же обозначен и такой вариант этого фразеологизма: *Эцкин носнанны түрэд ор!* ‘букв. влезай в голенище отцовского са-

¹ Нарв — игра в нарды.

пога!» [КРС 1977: 523]. Перевод фразеологизма в двух изданиях фразеологического словаря под редакцией Г. Ц. Пюрбеева дается разный. В более раннем издании отмечается, что оборот приблизительно соответствует русскому: ‘Катись (проваливай, иди) ко всем чертям!’ (как вариант — ‘Черт с тобой!’) [Пюрбеев 1971: 58]. Во втором издании дается следующий русский эквивалент: ‘Мал, но очень прыткий’ (*Бичкн болвчн, зүткмһә*) [ФСКЯ 2018: 279]. К сожалению, в словаре не дается толкование фразеологизма. Возможно, что в основе семантики данного проклятия — пожелание удаления от адресанта: исчезни, сгинь, спрячься так глубоко, чтобы тебя не было видно.

2. *Эцкәнчнь цох!* ‘букв. [Ударь] в висок твоего отца! (вариант: *Эцкинчнь бор гүзән!* ‘букв. Брюхо твоего отца!’). Авторы дают следующие синонимы к данному фразеологизму: 1. *Тим биш!* ‘Нет, не так!’ 2. *Төрүц буру!* ‘Ничего подобного’ [ФСКЯ 2018: 279].

3. *Эцкиннь цох меднә!* (‘букв. Отцовский висок знает!’) — в переводе на русский язык означает ‘Ничего не знает, не кумекает’, соответствует русскому: ни в зуб ногой [Пюрбеев 1971: 58]. Есть варианты данного фразеологизма: *Укснә цох меднә!* ‘букв. Висок умершего знает!’, *Нохан цох меднә!* ‘букв. Висок собаки знает!’ [Пюрбеев 1971: 58].

Все три вышеназванных фразеологизма имеют негативную семантику, но не способствуют осуществлению определенного магического действия, что характерно для проклятий. Они используются большей частью для выражения осуждения, возмуще-

ния и определяют характер взаимоотношений между собеседниками.

6. Заключение

Проклятие — это архаическая по происхождению клишированная форма устно-речевого жанра, основанная на вере человека в магическую силу слова, в его способности наносить вред человеку, и характеризующуюся высокой степенью экспрессивности. Угрожающие действия в калмыцких характерах представлены следующими предикатами: *идх* ‘съедать, пожирать’; *тасрх* ‘прерываться, прекращаться’; *кемлх* ‘грызть’; *харлх* ‘чернеть’; *цокулх* ‘быть побитым’; *үмкх* ‘откусывать’; *бүдрх* ‘спотыкаться’; *дегә болх* ‘скрючиваться’ и т. д.

Анализ семантики проклятий позволяет сделать вывод о том, что эти формулы имеют ярко выраженную национальную специфику, в ней отражены особенности духовного опыта народа. В текстах проклятий в одних и тех же оптативных высказываниях могут встречаться вариативные случаи использования.

Главным признаком в негативных словесных формулах проклятий является тема смерти — ранней, быстрой, мученической. Достаточно распространены в калмыцких проклятиях и соматизмы.

Рассматриваемый концепт *отец* в формулах проклятий не является частым компонентом проклятия, представляет архаическую форму, семантику которого трудно определить. Следует отметить, что многие формулы проклятий бытуют и до сих пор, но со временем потеряли сакрально-магическую функцию и превратились в идиомы.

Полевой материал автора

ПМА 2023: Инф. 1 — Инф. Д. Таяа (запись 12.08.2023 в г. Элисте).

Литература

- Алтайские 1997 — Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1997. 668 с.
- Басангова 2007 — *Басангова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Баянова 2021 — *Баянова А. Т.* Калмыцкий фольклорный текст в записи и переводе

Author's Field Data

Informant: D. Taya. Rec. on 12 August 2023 in Elista. (In Russ.)

Г. Й. Рамстедта: лингвокультурологические особенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 352 с.

Берзович, Сурикова 2020 — *Берзович Е. Л., Сурикова О. Д.* Наименования нечистой силы в русских проклятиях // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2020. № 6. С. 5–27.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. I: А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.

- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. IV: X–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Ветрова 2016 — *Ветрова Э. С.* Пожелания зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин // Научный диалог. 2016. №1(49). С. 16–31.
- Виноградова 2012 — *Виноградова Л. Н.* Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий // Славяноведение. 2012. № 6. С. 29–34.
- Даль 1882 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 576 с.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Зеленин 1936 — *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири: пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: АН СССР, 1936. 436 с.
- Кабакова 1988 — *Кабакова Г. И.* О жанровых трансформациях хулильных форм // Этнолингвистика текста: семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предвар. мат-лы к симпозиуму. М.: Ин-т славяновед. и балканистики, 1988. С. 105–109.
- Калмыки 2010 — *Калмыки* / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. Наука, 2010. 568 с.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Мамчиц 2015 — *Мамчиц Ю. В.* Место проклятия в группе экспрессивов // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. Чебоксары: Чувашский госуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2015. С. 42–45.
- Митиров 1977 — *Митиров А. Г.* К вопросу о культе собаки // Культура и быт калмыков: этнографические исследования. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 40–58.
- Очиров 2006 — *Очиров Н.* Живая старина (из литературного наследия) / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.
- Паллас 1773 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. 786 с.
- Пословицы... 2007 — *Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая* / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Пюрбеев 1971 — *Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов* / сост. Г. Ц. Пюрбеев. М.; Элиста: Ин-т языкознания АН СССР, КНИИЯЛИ, 1971. 60 с.
- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Ушаков 2014 — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
- ФСКЯ 2018 — *Фразеологический словарь калмыцкого языка* / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: РИА «Калмыкия», 2018. 286 с.
- Ханинова 2022a — *Ханинова Р. М.* Жанр проклятия (харал) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 130–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151
- Ханинова 2022b — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440
- Юша 2007 — *Юша Ж. М.* Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106–108.
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Teil I. Riga: bei J. G. Bartmann, 1804. 351 S..
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

References

- Bakaeva E. P. Sacred Codes of Kalmyk Culture. Elista: Institute for the Comprehensive Study of Arid Territories, 2009. 159 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T. Kalmyk Folklore Text as Recorded and Translated by G. J. Ramstedt: Linguoculturological Features. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. 352 p. (In Russ.)
- Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Pt. 1. Riga: J. G. Bartmann, 1804. 351 p. (In Germ.)
- Berzovich E. L., Surikova O. D. Names of evil spirits in Russian imprecations. *Tomsk State*

- University Journal of Philology*. 2020. No. 67. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Research Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 3. St. Petersburg: M. Wolf, 1882. 576 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2019. 376 p. (In Russ.)
- Kabakova G. I. Forms of verbal defamation: Genre transformations revisited. In: Ivanov V. V. et al. (eds.) *Ethnolinguistics of Text: Semiotics of Minor Folklore Forms*. Symposium theses. Moscow: Institute for Slavic and Balkan Studies, 1988. Pp. 105–109. (In Russ.)
- Kalkin A. G., Chachiyakov T., Savdin S. Altaian Heroic Tales: Ochi-Bala, Kan-Altyn (Folklore Narratives of Siberians and Far Easterners 15). Kazagacheva Z. S., Katashev S. M. (rec.) Novosibirsk: Nauka, 1997. 668 p. (In Alt. and Russ.)
- Khaninova R. M. Lyrics of Vladimir Nurov: The genre of curse (kharal) and ritual of its removal analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 4. Pp. 130–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The genre of kharal in 20th-century Kalmyk poetry. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440. (In Russ.)
- Mamchich Yu. V. Curse as an expressive tool. In: *Issues of Philology and Translation*. Collected scholarly papers. Cheboksary: Yakovlev Chuvash State University, 2015. Pp. 42–45. (In Russ.)
- Mitirov A. G. The dog cult revisited. In: Mitirov A. G., Badmaeva T. B., Bovykova G. M. (eds.) *Culture and Everyday Life of Kalmyks: Ethnographic Studies*. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 40–58. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ochirov N. *The Living Past: Collections from Literary Heritage*. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 398 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. *Travels in Various Provinces of the Russian Empire*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1773. 786 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (comp.) *A Concise Kalmyk-Russian Handbook of Verbal Phrases*. Moscow, Elista: Institute of Linguistics (USSR Acad. of Sc.); Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1971. 60 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *A Dictionary of Kalmyk Set Phrases*. Elista: RIA Kalmykia, 2018. 286 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. *Traditional Household Activities of Kalmyks: An Explanatory Dictionary*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ushakov D. N. *Explanatory Dictionary of Modern Russian*. Moscow: Adelant, 2014. 800 p. (In Russ.)
- Vetrova E. S. Evil wishes in communicative culture of Ukrainians and Lezgians. *Nauchnyi Dialog (Scientific Dialogue)*. 2016. No. 1 (49). Pp. 16–31. (In Russ.)
- Vinogradova L. N. Family values of traditional culture: an axiological aspect of the Slavic imprecations studies. *Slavianovedenie*. 2012. No. 6. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Yusha Zh. M. The Tuvianian magic damnation formulae. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2007. No. 4. Pp. 106–108. (In Russ.)
- Zelenin D. K. *The Ongon Cult in Siberia: Vestiges of Totemism in Ideologies of Siberian Peoples*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 436 p. (In Russ.)

